

Григорий Голосов

Демократия в России:

инструкция по сборке

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»

2012

УДК 39+9
ББК 26.89
Г60

Голосов Г. В.

Г60 Демократия в России: инструкция по сборке. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 208 с. — (Цивилизация)

ISBN 978-5-9775-0821-6

Книга о том, как использовать достижения политической науки для перехода России к демократическому обществу. Она обращена к людям, которые еще не разуверились в возможности лучшей жизни в нашей стране, но не видят к этому практических путей. Как считает автор, увидеть их мешают иллюзии, что Россия и сейчас является демократическим обществом, или наоборот, что российская демократия потерпела окончательный провал, а также что научные знания о демократии неприменимы в России. Своей книгой автор надеется развеять эти иллюзии.

Для широкого круга читателей

УДК 39+9
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Григорий Добин</i>
Редактор	<i>Вера Федченко</i>
Компьютерная верстка	<i>Натальи Караваевой</i>
Корректор	<i>Наталья Першакова</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Зав. производством	<i>Николай Тверских</i>

Подписано в печать 31.01.12.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.

Тираж 3000 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП "Типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

ISBN 978-5-9775-0821-6

© Голосов Г. В., 2012
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012
© Фото Р. Шамукова, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Часть I. Почему демократия?	7
1. Демократия и институты.....	9
2. Пропагандистские мифы о демократии	12
3. Чередование у власти и стабильность.....	16
4. Зачем нужны избиратели?.....	23
5. Система недоверия.....	28
Часть II. Как сделать партии полезными?	33
6. Необходимость партий.....	35
7. Свобода объединений — ключ к демократизации	41
8. Партийное строительство по-русски: миссия невыполнима.....	45
9. Как регистрировать партии?.....	49
10. Что делать с теми партиями, которые уже есть?	53
11. Может ли «Единая Россия» стать нормальной партией?	57
12. Двухпартийная система.....	61
13. Система с доминирующей партией.....	65
14. Многопартийная система	69
Часть III. Как подчинить губернатора народу?	73
15. К то на самом деле организует выборы в России?	75
16. Почему не нужно восстанавливать прямые губернаторские выборы	79
17. Как выбирать губернаторов?.....	83
18. Губернаторы, законодательные собрания и федеральный центр	87
Часть IV. Как выбрать парламент?	91
19. Российская имитация пропорциональной системы	93
20. Проблемы с общенациональным округом	97
21. Заградительный барьер	100
22. Голосование «против всех» и порог явки.....	104

23. Партийные списки с территориальными группами.....	108
24. Мажоритарная избирательная система не подходит для России	112
25. Смешанная несвязанная система	116
26. Смешанная связанная система: достоинства и недостатки ...	120
27. Как выбирать депутатов Госдумы	124
Часть V. Сколько власти нужно президенту?.....	129
28. Недостатки российской Конституции 1993 г.	131
29. Президентская система не подходит для России	135
30. Авторитаризм и президентская система: пример Египта	139
31. Парламентская система: (большие) достоинства и (маленький) недостаток	143
32. Авторитаризм и парламентская система: пример Сингапура	147
33. Премьерско-президентская система	151
34. Президент с ограниченными полномочиями.....	155
35. Изменение конституции.....	159
Часть VI. Почему демократизация?.....	163
36. Демократия или диктатура?	165
37. Электоральный авторитаризм как худший из миров	169
38. Демократизация и гражданское общество	174
39. Проблема менталитета.....	178
40. Возможен ли в России «мексиканский вариант»?	186
41. Выборы 4 декабря и коррекция авторитаризма.....	190
42. Геометрия демократизации.....	196
Послесловие.....	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о том, как использовать достижения политической науки для перехода России к современному демократическому обществу. В первую очередь она обращена к людям, для которых необходимость перехода к демократии очевидна уже сейчас, т. е. к демократам. Надеюсь, им будет интересно вместе со мной поразмышлять о том, какой могла бы быть устойчивая российская демократия. Однако книга более важна тем, кто еще не решил для себя вопрос об оптимальной форме государственного устройства. Это попросту те граждане России, которые еще не окончательно разуверились в возможности лучшей жизни в нашей стране, но не видят к этому практических путей. Увидеть эти пути мешают несколько иллюзий. Одна из них — что Россия и сейчас является демократическим обществом. Другая — что российская демократия потерпела полный и окончательный провал. Третья — что научные знания о демократии неприменимы в России. Надеюсь, что у тех, кто прочитает эту книгу, иллюзий такого рода поубавится.

Многие главы книги первоначально публиковались в моем тематическом блоге «Институциональная инженерия» на сайте <http://slon.ru>. Особую признательность хотел бы выразить Антону Ширикову, редактировавшему этот блог, а также всем читателям, которые своими комментариями и просто заинтересованным участием способствовали развитию и уточнению моих идей. Я благодарен экспертам и другим участникам проектов

Центра содействия демократии и правам человека «Геликс», Межрегиональной электоральной сети поддержки и проекта «Лучше меньше, да лучше», директором которых я работал в период написания книги, а также участникам образовательных программ Европейского университета в Санкт-Петербурге, коллегам-преподавателям, неизменно дававшим мне ценные интеллектуальные импульсы. Особая благодарность моей жене и помощнице во всех начинаниях, Юлии Шевченко, которой посвящается эта книга.

ЧАСТЬ I

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ?

1. ДЕМОКРАТИЯ И ИНСТИТУТЫ

Профессия политолога состоит в том, чтобы изучать политику и писать о ней статьи. Это можно делать по-разному. Большинство статей, которые публикуются в профессиональных журналах, сложны по содержанию и адресованы узкому научному сообществу. До широкой публики высказанные в этих журналах идеи, даже если они носят вполне практический характер, доходят через посредников — политических комментаторов и политиков. Поэтому иногда считают, что политология — это либо отвлеченное теоретизирование, не имеющее отношение к реальности, либо, наоборот, что-то подобное журналистике, но только написанное суконным языком. В действительности политология — это наука. Как всякая наука, она создается профессионалами, но, в конечном счете, в ней нет ничего такого, о чем нельзя было бы связно рассказать широкой публике. Более того, это наука, связь которой с повседневной жизнью гораздо очевиднее, чем, скажем, у теоретической физики. Без физики не запустишь ракету, не выведешь спутник на орбиту, телефон замолчит. А практическая важность политологии в том, что она помогает установить для общества оптимальные правила политической жизни, т. е. институты. Без таких правил хуже, чем без телефона. Поэтому основное содержание прикладной, практически применимой политологии связано с «политтехнологиями», а с разработкой институтов.

Я убежден в том, что будущее России, как любой другой страны, связано с демократией, но не сомневаюсь — демокра-

тия по-русски будет особенной. Ни второй Америки, ни второй (или даже первой) Европы здесь не будет. И именно особенности того демократического пути, по которому предстоит пойти России, заслуживают обсуждения. Иначе ведь, когда наступит время, все придется делать с кондачка. Например, беда украинской демократизации в том, что победившие в 2004 г. демократические силы, повинувшись сиюминутным политическим запросам, установили такие правила игры, по которым и играть-то невозможно. А платит за эту недоработку украинского правящего класса народ, несущий все издержки постоянной политической склоки. Собственно говоря, думать о будущем со стратегической точки зрения — это и значит думать о правилах игры, т. е. об институтах. Как создать работающую партийную систему? Как сделать, чтобы заработали выборы в качестве механизма политической конкуренции? Как устроить федеральную и региональную власть? Вот эти вопросы я и собираюсь обсудить в книге. Ее тема — институциональное строительство, известное еще как *институциональная инж-енерия*. Тут надо сделать две оговорки.

Первая — о целях институциональной инженерии. Они состоят в том, чтобы путем теоретического рассуждения определить оптимальные правила игры. Идеальными они не будут просто потому, что даже самые лучшие правила подвержены манипуляциям со стороны более сильных игроков в ущерб более слабым. Но минимизировать издержки манипуляций — реально. Сделать это можно, предоставив определенные гарантии наиболее уязвимым участникам политического процесса. И эти участники — не оппозиция. Это вообще не политики. Это народ. Главный принцип институциональной инженерии состоит в том, что сколь бы скромной ни была заинтересованность народа в политике, институты не должны создавать препятствий к ее практической реализации.

Тут, надо сказать, немало напутали маститые теоретики институциональной инженерии, вроде Джованни Сартори¹. Именно с их нелегкой руки сформировалось представление о том, что оптимальные институты должны обеспечивать, прежде всего, ста-

---

¹ Джованни Сартори — итальянский и американский политолог. С 1976 г. живет в США. — Ред.

бильное и эффективное функционирование системы, а все остальные соображения — вторичны. И если со стабильностью системы все понятно, то под ее эффективностью, за отсутствием объективного критерия, обычно понимают способность решать те задачи, которые она сама перед собой ставит. С этой точки зрения, если провести ее последовательно, шедевром институциональной инженерии следует признать Северную Корею. Не чуждо такое понимание и нынешним российским правителям, которые за последние годы приложили немало усилий к «оптимизации» политической системы. Стабильность налицо, эффективность — тоже: у каждого свой откат. При этом бюджетные параметры в основном выполняются, а беспредельщики иногда несут заслуженное наказание. Но цена — ограничение основных прав и свобод граждан, и эта цена неприемлема. Правящий класс не должен перекладывать управленческие издержки на народ.

Вторая оговорка касается адресата. Согласно распространенному представлению все, что произносится российскими экспертами в публичном пространстве, адресовано власти. Кому же еще? Ведь больше никого нет. Я считаю, что это представление — ложное. В России за пределами государственного аппарата (и хочется надеяться, на каких-то позициях внутри него) есть достаточное количество людей, способных думать о будущем и бороться за его улучшение. Когда и как это произойдет, не мой вопрос. Но единственное, к чему стремится нынешняя российская власть и на что способна, — это сохранить статус-кво, т. е. авторитарный персоналистский режим, основанный на присвоении и частичном патронажном перераспределении государственных ресурсов. Будучи, в сущности, личной диктатурой, этот режим не располагает ни связной идеологией, ни многими иными ресурсами для придания себе законности в глазах населения. Поэтому он нуждается во всенародных голосованиях, правящей и оппозиционных партиях, некоторых традиционных гражданских свободах. Но в силу своей диктаторской природы реальной политической конкуренции он не допускает, и поэтому все эти институты носят имитационный характер. Никаких внутренних стимулов к тому, чтобы изменить ситуацию, у российских властей нет.

Эта книга — для тех, у кого они есть.

2. ПРОПАГАНДИСТСКИЕ МИФЫ О ДЕМОКРАТИИ

Меня всегда умиляли люди, которые пытались найти у нынешних российских властей какую-то идеологию. Если понимать под идеологией связный текст, адресованный массам и призванный заручиться их поддержкой, то ничего подобного нет. Послание властей народу примерно таково: «Мы справляемся. Сидите и не рыпайтесь, все под контролем». Ни к чему объяснять, с чем именно они справляются и каким образом. У плана Путина не может быть никакого конкретного содержания. Сегодня борются с враждебными происками некоммерческих организаций (НКО), завтра поощряют социально-ориентированные НКО; сегодня борются с инфляцией, завтра поощряют инфляцию; сегодня обвиняют США во всех смертных грехах, завтра сдают США важные внешнеполитические позиции. Так надо. Это не какая-то причудливая стратегия, а просто отражение того фундаментального факта, что интересы власть имущих не имеют отношения к интересам того политического сообщества, которым им по стечению обстоятельств довелось управлять.

Вот этому-то фундаментальному факту и соответствует та политическая философия «для служебного пользования», которая у российских властей на самом деле есть. Из традиционных политических учений она стоит ближе всего к Никколо Макиавелли, хотя сходство в основном типологическое. Своим умом дошли. Философия эта такова. Есть власть. Источник этой власти главным образом везение, фортуна. Все не могут устроиться

одинаково хорошо, но некоторым везет больше, чем другим, и они становятся властью: получают возможность контролировать финансовые потоки, плавать на яхтах, ездить с мигалками. Раз это достигнуто, единственная задача власти — удержать такие прекрасные возможности. Потому что везет единицам, а есть еще миллионы лузеров, которые могут относиться к счастливым только с завистью, как же еще? Конечно, самым наглým из завистников можно легко навешать люлей. Но в том-то и беда, что их миллионы. Тут грубое насилие не поможет.

Поэтому главная задача переформулируется. Надо сделать так, чтобы лузеры сами приняли справедливость этого порядка вещей, чтобы наглецы всегда оставались ничтожным меньшинством. Для этого нужна политика. Ее главная функция в том, чтобы превратить лузера в лоха, трансформировать просто невезучих — в обманутых. Политику можно устроить по-разному. Очень хорош, например, патриотизм для холуев в классической формулировке «Наш-то как жрет!» Но в какой-то момент даже самый последний холуй задумается о том, почему это они все жрут и жрут, а ему, «патриоту», достаются только объедки. А «демократия», какой ее хотели бы видеть российские власти, это гибкая система, которая позволяет переключать внимание лоха с одного объекта на другой: то финны обидели разведенную русскую мать, то обнесли на «Евровидении», то задержали зарплату. И над всем этим печальным, большим миром возвышается власть, которая в меру возможностей, конечно, восстанавливает порядок и справедливость. Но главное достоинство демократии, как ее понимают российские власти, состоит в том, что раз в несколько лет лохи идут на выборы и сами, совершенно добровольно, выражают согласие на этот порядок вещей. Демократия, иными словами, это оптимальная система обмана и манипуляции. Конечно, по телевизору так прямо не скажешь, но, к счастью, в душе россиянина есть дверца, через которую можно пронести эту важную мысль. Бог знает, по каким историческим причинам, но россиянин крайне податлив к зарубежному опыту. Он готов мириться с тем, что к нему относятся, как к быдлу, но при одном условии, что так же относятся, скажем, к англичанам, не говоря уже о всяких прочих шведах. Поэтому надо постоянно, настойчиво объяснять, что демократия

езде одинаковая, что никакой разницы между устройством РФ и западных стран нет, а если и кажется, что есть, то по одной причине — там обманывают хитрее.

Дело облегчается тем, что при доведении этой простой мысли до сознания россиян у властей есть полезные подспорья. Первое — наследие советского марксизма. Он повторяется слово в слово: ну да, буржуазная демократия обман трудящихся, лживая говорильня. Второе — либеральные иллюзии перестройки и первых постсоветских лет. Демократия — это высокий идеал, до такой степени чистый от всякой неправды и корыстных помыслов, что и на свете, пожалуй, не сыщешь. А раз не сыщешь, так и довольствуйся малым.

Мифы о демократии, имеющие хождение в российских СМИ — это ложь. Демократия не является обманом, маскирующим авторитарную практику управления или просто классовое господство. С последним она, действительно, связана, но ему не идентична. Это — реально существующая система, которая работает в большинстве стран мира, со своими проблемами и недостатками. Архитекторы современной российской политической системы (такие, например, как Владислав Сурков) любят рассуждать о том, что с демократией у них все в порядке. Ну как же? В прессе пишут, о чем хотят; на митинг — пожалуйста; а главное, выборы проходят регулярно, по заведенным в Центризбиркоме и неустанно тикающим часам. Не буду распространяться о том, что все это, в той или иной степени, ложь. Ограничения на свободу слова отсутствуют только в Интернете, митинги (если в числе организаторов нет «Молодой гвардии Единой России») не разрешают, а выборы стали фарсом.

И все же главная ошибка такого рода рассуждений не в фактах, а в интерпретации. Демократия не эквивалентна присутствию элементарных гражданских свобод и избирательных процедур. Главное в демократии не то, что регулярно проводятся выборы, а то, что у выборов может быть определенный исход: проигрыш тех, кто до выборов стоял у власти. Понятно, что они могут выиграть. Но реальная возможность их проигрыша это и есть то, что отличает демократию от не-демократии, авторитаризма. При демократии, иными словами, происходит чередование у власти. Я думаю, только крайне наивные или явно недоб-

росовестные люди могут утверждать, что существующие в России правила игры допускают такой исход выборов. Эти правила таковы, что президентские выборы может выиграть только сам Путин или одобренный им кандидат, а выборы всех иных уровней — только кандидаты, лицензированные правящими группами соответствующего уровня. Обычно лицензия оформляется как выдвижение партией «Единая Россия» (ЕР). Есть еще лицензии второго сорта (у КПРФ, ЛДПР и пр.), по которым выиграть выборы нельзя, но можно получить по несколько мест в каком-нибудь законодательном собрании.

Правящие группы организованы вертикально. Это иерархия, во главе которой стоит опять-таки Путин. Иногда говорят, что на самом деле «вертикаль власти» — только видимость, она рыхлая и многослойная, в каждом слое свой лидер, который творит, что хочет. Это справедливо ровно в той мере, в какой именно так устроены все иерархии. Конечно, Путин не управляет непосредственно каждой компанией, каждым муниципалитетом. Важно то, что за ним остается право окончательного решения в любой конфликтной ситуации. Он верховный арбитр системы, вето-игрок.

Ничего особенного в такой конструкции власти нет. Это совершенно нормальный авторитаризм. В принципе, так были устроены и коммунистические режимы, и военные диктатуры, и де-факто или де-юре однопартийные системы «третьего мира» в 60—80-х гг. прошлого века, от Мексики до Бурунди. Даже то, что в России авторитаризм замаскирован под демократию, ничего нового не добавляет: в ГДР, как известно, была многопартийная система. Да, это не Советский Союз и даже не Мексика. Однако различия в рамках одного широкого типа. Груши отличаются и от яблок, и от кроликов, но от кроликов гораздо больше.

Конечно, при авторитаризме власть тоже время от времени меняется. Различие состоит в том, что при демократии возможность смены власти возникает регулярно, а реализуется с помощью определенной процедуры, а именно выборов. Важно только иметь в виду, что выборы это не ритуал, ценный сам по себе, а инструмент, применяемый именно для того, чтобы обеспечить чередование у власти. Все остальные функции выборов (а их много) гораздо менее важные.

3. ЧЕРЕДОВАНИЕ У ВЛАСТИ И СТАБИЛЬНОСТЬ

Необходимость выборов обычно обосновывают, ссылаясь на интересы народа. И это правильно. Народ действительно заинтересован в том, чтобы были выборы, чтобы проходили они честно и чтобы власть менялась именно с помощью выборов, а не как-то иначе. Но нужны ли выборы правящему классу? И зачем? Вполне возможно, только для того, чтобы держать массы в добровольном подчинении. А если так, то выборы обречены быть пустым ритуалом, прикрывающим закулисные договоренности бюрократии и бизнеса. Такой подход к демократии чуть ли не ее ровесник. Его развивали и марксисты, и американские радикальные социологи 50-х, а сегодня всякие мыслители, для которых политика — перформанс и шоу-бизнес. Что ж, возьмем пример, близкий к этим областям.

Часто говорят, что футбол — это когда 22 миллионера гоняют по полю мяч, а миллионы бедняков смотрят на это по телевизору. Имеется в виду, что жизненные миры футболистов мирового класса и их фанатов совершенно разные, почти не пересекающиеся. И это правда. Стать звездой футбола рядовому болельщику не светит. Он, собственно, и не надеется. Для него футбол — зрелище. Но для самих игроков это вполне материальная вещь, источник доходов и социального статуса. Теперь представим себе, что правила футбола отменены, но процесс остался. То есть футболисты бегают по полю, гоняют мяч, даже забивают его в ворота, но победитель определяется либо

по предварительной договоренности между футбольными ассоциациями, либо решением судьи, либо по жребию. Конечно, первые две модели распространены довольно широко, но они рассматриваются как злоупотребления. И это правильно. Такой футбол не нужен не только зрителям, но, прежде всего, и самим футболистам не из-за падения сборов, а в силу более фундаментального обстоятельства.

Предположим (я все же надеюсь — вопреки фактам), что злоупотребления стали нормой. Первое время звезды футбола благоденствуют: напрягаться на поле больше не надо, а деньги текут рекой. Они стареют. Толстеют, естественно. Играют все хуже и хуже. Иногда кто-то выбывает, и ему на смену приходит сын, который, в отличие от отца, вообще не способен к игре, но это уже не важно. Болельщики хавают, другого футбола у них нет. Проблема в другом. Очень скоро выясняется, что при такой системе футболистом может быть назначен кто угодно, по единственному признаку: лояльности тем, кто принимает ключевые решения. Пристроить сына теперь можно только на этом дополнительном условии. По мере того, как круг принимающих ключевые решения сужается, а он неизбежно сужается до одного человека, даже талантливому отпрыску из футбольной династии путь в футбол становится заказан. Более того, именно талантливому он и заказан, потому что критерий другой. «Хозяин футбола» лучше возьмет бездарного, но верного человечка прямо с улицы. Но с детьми ладно, это дальняя перспектива. Хуже другое: очень скоро сами звезды, которым отмена правил, казалось бы, только на пользу, начинают выбывать один за другим. Кого-то пожизненно дисквалифицируют за ругань в раздевалке, кто-то вдруг заболел свинкой, а еще один делает заявление для прессы, что футбол — не для него, неожиданно осознал. Оставшиеся спешно пытаются договориться с «хозяином футбола», но тщетно: хорошие игроки его по определению устраивают меньше, чем плохие, которых он подобрал и назначил сам.

Смысл этой байки прост. Современная общественная жизнь уж никак не проще футбола, а ставки повыше. Особенность сложных игр состоит в том, что они требуют критериев успеха, а также механизмов его достижения, которые были бы внешними

по отношению к самим играющим. Это важно не для публики. Это важно для них самих. В экономике таким внешним критерием являются деньги. В политике — успех на выборах. И чем более честные выборы, тем ценнее критерий. Если же критерия нет либо если он применяется нечестно и избирательно (как в современной России), то механизм воспроизводства правящего класса в целом нарушается, а каждый отдельный его представитель рискует пусть реже, но всем. Играя по честным правилам, он рискует постоянно, но немногим. И это лучше.

А теперь сделаю оговорку: чередование у власти — в интересах не всякого правящего класса, а нормального, который в капиталистическом обществе часто называют национальной буржуазией. В современном мире демократия связана с капитализмом. Я не буду спорить с любителями социалистической демократии на тему о том, хороша она или нет. Не исключаю, что прекрасна. Вот появится где-нибудь, тогда и поговорим. Но реальная демократия — капиталистическая. Даже в Норвегии экономическая система работает по общим законам капитализма. Если опыт европейских социальных государств что-то доказывает, то лишь одно: эти законы гибкие. Увы, гибкие они не только по-норвежски. В России капитализм скоро разменяет третий десяток, но демократии не было и нет. По логике вещей, это должно свидетельствовать о каких-то особенностях домощенного капитализма. Я думаю, что основная проблема коренится в структуре правящего класса. Он, попросту говоря, национальной буржуазией так и не стал.

А ведь как все хорошо начиналось. На заре капиталистического строительства все было примерно как у людей, например, в восточноевропейских странах. Темпы приватизации просто замечательные. Как и в Восточной Европе, мелкую госсобственность распахали по карманам тех людей, которые ее фактически контролировали, т. е. директоров и прочих хозяйственников. По ходу дела немало досталось бандитам, но это тоже происходило повсеместно. Потом дело дошло до ваучеров — и тут, готов признать, российские правители расстарались для создания буржуазии больше, чем где бы то ни было. Если в Восточной Европе, продав ваучеры, можно было хоть что-то выру-

чить, то в России они не стоили вообще ничего. И это для буржуазии было, конечно, очень удобно.

Дальше пути России и Восточной Европы расходятся. На сцене появились иностранцы. В Восточной Европе они скупили значительную часть приватизированной собственности. В России это произошло лишь в немногих секторах экономики. С одной стороны, в стране было неспокойно, и западный капитал не желал нести сопряженные риски. С другой стороны, налицо было стремление российского руководства минимизировать долю иностранцев, создать именно национальную буржуазию. Методом стали залоговые аукционы, в результате которых наиболее перспективные отрасли были приватизированы за бесценок, но зато для своих.

Залоговые аукционы создали основную особенность российского капитализма: понимание собственности как пожалования. Американский журналист Пол Хлебников заметил: «Покупая у государства активы в ходе такой закулисной сделки и по столь заниженной цене, вы рискуете, что ваши права на новую собственность никогда не будут надежно защищены. Сограждане будут считать вас мошенником, а государство — скорее хранителем активов, чем их подлинным владельцем». Именно. Но если так, то у собственника есть два пути. Один — поскорее вывезти все, что только можно, за рубеж, где не отберут. Второй — поскольку месторождения не вывезешь — во всем подчиняться властям-благодетелям, что и было продемонстрировано уже в ходе президентской кампании Ельцина в 1993 г. Пути эти, конечно, легко сочетаются. Реальной альтернативой был третий путь, который в 2003 г. попробовал Михаил Ходорковский. Не вышло.

Российская крупная буржуазия, таким образом, не стала национальным правящим классом в двух смыслах: во-первых, она не национальна, поскольку ее основные материальные интересы связаны с зарубежными активами, а во-вторых, она не правит. О мелкой и средней буржуазии и говорить не приходится. Более жалкого, запуганного сословия в современной России нет, этих мучают все: санитары, пожарники, полиция, бандиты, не перечислить. Единственное утешение у бедняг — та же самая

зарубежная собственность. Реальным правящим классом в России остаются чиновники. Но чиновники не чередуются у власти. Для любого нормального бюрократа — это совершенно чуждая идея. Чиновники назначают и подсиживают друг друга, и внешний критерий для этой селекции им совершенно не нужен. Забавнее всего то, что национальным классом российская бюрократия не стала, потому что в сколь бы жалком общественном положении не находилась буржуазия, она служит для чиновничества ориентиром по стандартам потребления, да и во многих других отношениях. Чиновнику нужен западный антураж. Западные институты ему ни к чему.

Ему нужна стабильность. И это, пожалуй, единственное, что на деле объединяет его с обычным жителем России. И правда, нормальные люди предпочитают стабильность. Китайское проклятие «чтобы тебе жить в эпоху перемен» отзывается в сердцах многих. Надо, чтобы работали магазины, функционировала банковская система, не стреляли на улицах и в супермаркетах, вовремя платили пенсии и пр. Конечно, в любом обществе всегда найдутся сорвиголовы, готовые променять блага стабильности на ветер перемен, и иногда их настроение становится преобладающим. Особенно если в магазинах всякая дрянь продается втридорога, банковская система выдает кредиты под 20%, в супермаркетах постреливают полицейские, а достойные пенсии получают только отставные чиновники. В целом, однако, люди терпеливы и готовы сносить подобные мелочи. А уж долготерпение россиян давно вошло в фольклор, в тосты вождей. И ведь не без причин. Пусть фраза «лихие 90-е» исчезла из телевизионных приемников, но в свое время ее изобретатель (я надеюсь) получил премию: она работала. Хлебнули нестабильности. Хватит.

Официальная мифология состоит в том, что в современной России — стабильность. Никто не спорит, что система работает плохо (иначе зачем было бы жужжание про «модернизацию»), — но ведь работает. И это только потому, что где-то в 2000 г. наступила политическая стабильность. Парламент больше не место для дискуссий, да и нет там спорщиков, вышли все. На президентских выборах — тишь да гладь, кого скажет телевизор,

того и выберем. И даже правительственные чиновники, если и уходят в отставку, то только по каким-то недоступным простому смертному причинам, а вовсе не потому, что плохо справляются с работой или, скажем, проворовались. Все это, может быть, вам не нравится, дорогие россияне, ну так и нам тоже не очень, но ведь без этого не будет вам пенсии. Иными словами, официальная мифология приравнивает политическую стабильности к общественной стабильности. В свете российского авторитарного опыта это даже выглядит убедительно. Но в свете мирового демократического опыта — это полная ерунда. Приведу пример. Есть за океаном страна Канада. Вопреки выраженному в популярной песне мнению, на Россию она не похожа даже со спины. И главное отличие, принимая точку зрения российской пропаганды, состоит в том, что политической стабильности там нет совершенно. В Канаде парламентская система. Срок полномочий парламента — 5 лет. Досрочный роспуск парламента — это, понятное дело, политический кризис. Так вот, реальный срок жизни парламента за послевоенный период в среднем составил три года с небольшим. За это время у руля побывали 13 премьер-министров, семь раз сменились правящие партии (а значит, полностью менялись составы правительств). Бардак, да и только. Интересная особенность Канады состоит в том, что для тех десятков миллионов жителей этой страны, которым нет дела до политики, все эти пертурбации прошли совершенно незаметно. Отдаленные последствия до них, конечно, доходили, потому что одни премьеры больше боролись с инфляцией, а другие с безработицей, одни снижали налоги, другие поднимали. Но жизнь в стране — если понимать под жизнью те самые магазины, банки и пенсии — если и менялась, то, в основном, к лучшему. Политические кризисы — да, были. Но социальными кризисами они не становились.

Вот это и есть нормальная демократия. Она не отличается от авторитаризма в том отношении, что для многих тысяч людей власть — предмет вождения и, стало быть, источник постоянной борьбы. Это в человеческой природе. Отличие в другом. При демократии борьба за власть ведется публично, у всех на виду. Но именно поэтому ее можно не замечать. Она проявляется

в повседневной жизни миллионов только во время избирательных кампаний. При авторитаризме борьбы за власть почти не видно, но зато уж когда она выходит на поверхность, то нормальной жизни конец.

Пропаганда не врет: если в современной России рухнет власть, то обломки, так или иначе, заденут каждого. Но она не договаривает одну важную вещь: власть сама себя так устроила. Ей это выгодно в двух отношениях. Во-первых, это оправдывает непрерывное нахождение у власти одних и тех же людей, что само по себе приятно. Во-вторых, это снимает с них всякую ответственность за плохую работу, что приятно вдвойне. По сути дела, логика здесь такая же, как у полицейского, который в основном обирает население, но иногда и воришку какого-нибудь поймает: если меня не будет, наступит сплошной разбой. Демократия — это, попросту говоря, возможность нанять другую полицию. А при авторитаризме дело кончается тем, что разница между полицейским и бандитом исчезает. Политическая и социальная стабильность — разные вещи. Смешивают их, как правило, в пропагандистских целях. Если государству нечем гордиться, оно гордится своей стабильностью. Между тем гордиться-то следовало бы способностью к мирным переменам, которая, как мне кажется, лежит в основе политического профессионализма. Но с этим в России туго.

4. ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИЗБИРАТЕЛИ?

Итак, регулярное, происходящее по четко установленным правилам чередование у власти — в интересах и народа, и правящего класса. Более того, мы даже выяснили, почему российский правящий класс этого не понимает. Но тогда возникает вопрос: а почему, собственно, механизмом чередования власти должны быть выборы? Простой ответ на этот вопрос очевиден: потому что лучше ничего не придумано.

Возьмем, к примеру, жребий. На самом деле, это демократическая процедура, исторические корни которой куда глубже, чем у голосования на выборах. Когда-то, в античных демократиях, именно жребий использовался для замещения основных политических должностей, а голосование было зарезервировано для решения не очень значительных вопросов. Однако для того, чтобы такая система функционировала без сбоев, нужно, чтобы круг граждан был четко ограниченным, узким и включал только людей, в общей компетентности которых трудно усомниться. В современных условиях, когда права гражданства не ограничены, эта система была бы рискованной: жребий может выпасть сумасшедшему, или там алкоголику, или серийному убийце. А любая система сортировки граждан на достойных и неполноценных, будь то психиатрическая или судебная, в короткое время превратилась бы в механизм политических репрессий. Другой способ обойтись без выборов мог бы состоять в том, чтобы попросить иностранцев: пусть назначают нам начальство.

Этот вариант в России известен с Рюриковых времен. К сожалению, иностранцы обычно предоставляют такие услуги небескорыстно, понимание чего, собственно, и отражено в понятии государственного суверенитета.

Таким образом, ни судьба, ни внешние доброжелатели не могут выполнить за национальную демократию ее работу. Помимо того, что альтернативы голосованию на выборах все равно нет, оно обладает и еще одним важным, на первый взгляд, достоинством, — оно выражает волю народа. Сам факт выборов основан на признании двух обстоятельств: во-первых, что правящий класс и народ — это не одно и то же, а во-вторых, что правящий класс признает именно народ, граждан своей собственной страны, тем самым игроком, за которым остается последнее слово в политике.

Выглядит прекрасно, но почва для сомнений остается. Ну да, на словах можно сколько угодно признавать народ источником своей власти, тогда, по крайней мере, за углеводородами никто из-за бугра не сунется. Но ведь это так, для вида. К то же не знает, что народишко-то, на самом деле, швах. Мы раньше, во время перестройки, думали, что хоть на западе культурные люди живут, но вот теперь помотались по миру, знаем: везде бараны. А уж в России и подавно. Ну не могут они принимать никаких решений. Вот почему все эти выборы — видимость. И в финале подобных рассуждений, конечно, обязательно возникает фигура национального лидера, который не только сам правильно примет все необходимые решения, но еще и в нужное время погонит баранов на избирательные участки для одобрямса.

Важно понять: в подобных рассуждениях есть рациональное зерно. Народ — это, с известной точки зрения, совокупность избирателей. Но в числе избирателей лишь незначительная доля интересуется политикой, способна судить о программах партий и кандидатов, т. е. — делать осознанный выбор. Это факт, установленный наукой. Реальная демократия существует в странах, где избиратели ничуть не лучше, чем в России. О политике основная масса людей ничего не знает и знать не хочет. И это не потому, что они дураки, а исключительно по той причине, что, в отличие от правящего класса, для которого власть — смысл

существования и главная ценность, у нормальных людей есть масса более интересных занятий. Им просто не до политики. Но вопрос остается: как тогда доверить им право выбора? Простой ответ состоит в том, что демократия — это система, оптимизированная именно для реального мира. Она построена на предположении, что граждане, при всех их явных несовершенствах, способны коллективно вырабатывать взаимно приемлемые решения. В небесных угодьях нет демократии. Авторитет имеющейся там власти абсолютен, а граждане, т. е. ангелы и прочие силы и господства, занимаются исключительно тем, что поют этой власти вечную осанну. Один попытался что-то вякать, но мы знаем, что из этого вышло. А в реальном мире живут люди, которые несовершенны по определению: невежественны, своекорыстны, трусливы. У демократии есть механизмы, позволяющие эти недостатки отчасти блокировать, а отчасти — обратить в достоинства.

Со времен Платона критики демократии строили свою аргументацию на том, что народ не может принимать никаких решений в силу очевидного свойства: некомпетентности. И это притом, что в основе античной демократии лежал совсем не тот народ, что сейчас. Классическая афинская демократия была непосредственной: люди собирались на площади, совместно обсуждали городские дела, принимали решения. Гражданство было ограниченным: его были лишены рабы, женщины, многочисленные приезжие, даже если их предки явились в Афины много поколений назад. Но даже и при этом участниками принятия решений были лишь те, кто являлся на площадь и был готов провести целый день за обсуждением общих дел. Эти энтузиасты были в меньшинстве. Но даже такой народ не устраивал критиков демократии. Они считали, что государственное управление — это сложное искусство, доступное немногим, и именно эти немногие способны принимать квалифицированные решения для общего блага. С этой точки зрения, современная демократия показалась бы им полной нелепостью. Да, сегодня от избирателя не требуется вникать в детали проблем. Но тем нелепее, сказал бы критик, что решающее слово на выборах остается именно за большинством — т. е. за массой

людей, которые не располагают ни знаниями, необходимыми для принятия решений, ни даже достаточной информацией.

Многие теоретики демократии игнорировали этот очевидный, на мой взгляд, аргумент. И сегодня ее приверженцы часто рассматривают народ как совокупность заинтересованных, знающих и информированных граждан. Надо сказать, что взгляд этот совершенно неадекватен. Причем он неадекватен не только применительно к обществам, лишенным серьезных демократических традиций, но и применительно к старым, устоявшимся демократиям. Когда в США в 50-х годах развернулись научные, основанные на опросах общественного мнения исследования поведения избирателей, то ученые были поражены уровнем некомпетентности избирателей. Выяснилось, что люди, интересующиеся политикой, много о ней знающие и способные оценивать позиции партий и кандидатов, составляют ничтожное меньшинство. Правда, позднее выяснилось, что в Европе уровень компетентности избирателей — повыше. Но не качественно. Так не лучше было бы, если бы бремя принятия решений было полностью возложено на плечи пусть очень узкого, но действительно компетентного круга лиц?

Ответ на этот вопрос отрицательный, потому что в самом вопросе содержатся два допущения, которые девальвируют его разумное содержание. Во-первых, вопрос предполагает, что политическая компетентность сродни технической, т. е. что любая проблема, связанная с государственным управлением, может быть решена каким-то одним — правильным — способом. Но это допущение ложное. Основные дилеммы, с которыми сталкивается политик, таковы, что они предполагают множественность решений, каждое из которых сопряжено со своими выгодами и рисками. Правильных ответов на вопросы о том, повышать налоги или снижать, сводить бюджет с дефицитом или с профицитом, ввязываться в гонку вооружений или разоружаться, нет. Отвечая для себя на эти вопросы, политик должен прислушаться к мнению знающих людей, экспертов, чтобы оценить реальные масштабы выгод и рисков, но само решение принимается им не только и не столько на основе полученной информации, сколько путем соотнесения возможных последст-

вий и его собственных представлений о правильном устройстве мира. Уровень его компетентности не имеет значения. По этому параметру разницы между политиком и избирателем нет.

Второе неверное допущение состоит в том, что просвещенный правитель будет всегда действовать для общего блага. Очевидно, что это не так. У политиков, как и у всех людей, есть собственные интересы, которые для них важнее общих. Проблема даже не в том, что политики сознательно жертвуют общим благом во имя собственных выгод. Проблема в том, что их вполне искренние представления о правильном устройстве мира уже включают в себя корыстные мотивы. Скажем, если ты связан с банковским сектором, то совершенно естественным способом решения жилищной проблемы тебе будет казаться развитие ипотечного кредитования. Всегда найдутся эксперты, которые подтвердят, что этот способ — единственно правильный. Других экспертов, выступающих, скажем, за меры, направленные на снижение цен на жилье, ты просто не услышишь.

Избиратели, конечно, не могут быть компетентными в частных вопросах государственного управления. Но, вообще-то говоря, политики тоже не могут. Рутинные функции управления — за чиновниками, но они в реальной демократии основных решений не принимают, только исполняют. А отличаются основные решения именно тем, что допускают множественность выбора. Такие решения — за политиками, и именно потому, что эти решения не могут быть абсолютно правильными и допускают вмешательство корыстных интересов самих политиков, они требуют внешнего контроля со стороны избирателей.

5. СИСТЕМА НЕДОВЕРИЯ

Мы такие сложные, противоречивые какие-то, склонные к крайностям. Это проявляется во многом, но особенно часто о загадочной противоречивости русского народа вспоминается в связи с основным политическим вопросом, а это — вопрос о форме правления. С одной стороны, в России — это показывают опросы общественного мнения — довольно много людей, которые интенсивно не любят демократию, считают ее воплощением скверны, идущей с запада. С другой стороны, есть и много таких, кто ждет от демократии многого. Для них демократия — это идеальный мир, в котором все счастливы, проблемы разрешаются сами собой, молочные реки текут в кисельных берегах. Нетрудно понять, почему подобные представления были распространены в СССР на излете его истории. За границей не бывали, а те немногие выездные, которые бывали, расписывали чудеса демократии с тем же комсомольским энтузиазмом, с которым несколькими годами раньше живописали ужасы жизни в странах капитала.

Сейчас — не то. Казалось бы, повидали мир. Ничего идеального. Тем не менее на вопрос о том, зачем нужна демократия, многие по-прежнему отвечают: «Ну, чтобы было, как в нормальных странах». Ответ, в сущности, правильный. То, что жизнь на западе нормальнее жизни в Российской Федерации, совершенно бесспорно, и я бы согласился с тем, что демократия имеет к этому отношение. Но это отношение сложнее, чем

кажется. Демократия ведь есть не только в благополучных странах, но и в неблагополучных. Мы пока еще живем лучше, чем в Гане, но в Гане — демократия, а в России — нет.

Надо сказать, что философия демократии не имеет ничего общего с идеалами — и с построенными на их основе романтическими идеологиями — уже по той причине, что исходит отнюдь не из радужного представления о человеческой природе. Для романтика, будь он социалист или консерватор, человек добр по природе: склонен помогать ближним и работать на общее благо. А если нет, то его, значит, испортили общественные условия, но это дело поправимое, потому что в человеке нет такого зла, которое нельзя было бы устранить путем воспитания. Начинать надо с детского сада, потом комсомол, трудовой коллектив, в запущенных случаях — ГУЛАГ. Зло — болезнь, от которой можно вылечить. Ничего, что лекарство горькое и вызывает судороги. Это только значит, что оно работает.

В основе демократической философии, напротив, лежит представление о человеке как о существе, склонном преследовать собственную выгоду и всегда готовом, ради получения этой выгоды, наступить ближнему на горло. Доверять такому существу бессмысленно, перевоспитать невозможно, его жизнь — война против всех. Единственное, что можно сделать, создать такие правила, которые купировали бы самые явные антиобщественные проявления и позволяли бы людям как-то управляться с общими делами. Систему таких правил в политике и называют демократией. Это система универсального недоверия.

Романтические идеологии охотно распространяют свое благостное видение человеческой природы на правителей. Ведь они же не просто так оказываются у власти. Если все люди, в сущности, хорошие, то правителями становятся самые лучшие из них: выдающиеся знатоки истинного учения, цвет нации, истинные аристократы. Словом, прирожденные национальные лидеры, которые и чиновников подбирают себе под стать: честных и бескорыстных. Случаются, конечно, отдельные ошибки, но их легко исправить. Демократическая философия, напротив, исходит из предположения, что даже у самых лучших людей преобладают корыстные мотивы. То, что человек оказался у власти,

свидетельствует отнюдь не о превосходных моральных качествах, а просто о том, что он проявил больше энергии, изворотливости и умения, чем конкуренты. За ним, стало быть, нужен глаз да глаз, но главное — правитель должен находиться под постоянной угрозой увольнения. А поскольку уволить его, в общем-то, некому — он ведь главный — то для этого есть процедура коллективного волеизъявления, выборы.

Но не глупо ли предполагать, что Иван Иванович, живущий по соседству, разбирается в политике до такой степени, чтобы принять осмысленное решение? Он и газет-то не читает. Обмануть его — раз плюнуть. Это правда. Но, вообще-то говоря, даже у Ивана Ивановича (а ведь не все избиратели такие) есть основание для выбора. Это интуитивное, основанное исключительно на опыте, представление о том, хорошо ему с имеющейся властью или нет. Нравится — голосуй за правителя, нет — за оппозицию. Есть, например, так называемое «голосование кошечкой». Его смысл очень прост. Даже если избиратель вообще ничего не знает о политике, ему, как правило, известно, кто находится у власти. Конечно, бывает, что среди кандидатов нет тех, кого можно было бы с первого взгляда идентифицировать в качестве носителя власти, например, если действующий президент не баллотируется на новый срок. В зрелых демократиях это вообще не проблема, потому что преемник баллотируется от той же партии, что и его предшественник. Но и в тех демократиях, где партийные системы еще не сложились, определить преемника бывает не так уж трудно.

Вторая составляющая информации, необходимой для «голосования кошечкой» — это представление о том, ухудшилось или улучшилось экономическое положение за то время, когда нынешние правители находились у власти. Дальнейшее элементарно. Если экономическое положение улучшилось, голосуй за правительство. Если оно ухудшилось — за оппозицию. Экономическое голосование отличается от «партийной идентификации» тем, что требует несколько более активного использования интеллектуальных способностей избирателя. Тут выбирают не сердцем, а все-таки умом. Впрочем, тоже не высшая математика. Считать деньги умеют даже неграмотные.

Надо подчеркнуть, что «голосующий кошельком» избиратель обычно не склонен разбираться в том, виновато ли действующее правительство в ухудшении экономической ситуации. Современный мир устроен так, что, с одной стороны, ответить на этот вопрос трудно даже маститому экономисту, а с другой стороны, желающих ответить на него всегда хватает, но ставки так высоки, что эти ответы, как правило, нечестные. Попросту говоря, любое правительство склонно винить в проблемах внешние обстоятельства, а любая оппозиция — само правительство. Здравый смысл подсказывает, что истина обычно лежит где-то посередине. А это значит, что разумная позиция избирателя, руководствующегося экономическими мотивами, состоит все-таки в том, чтобы винить правительство и голосовать против него. На этом требования к компетентности Ивана Ивановича заканчиваются. Все остальное делают уже профессионалы, т. е. сама оппозиция: она объясняет гражданам, в чем именно проблема с действующей властью, и если объясняет убедительно, в соответствии с их самочувствием, то сама становится властью. Потом все повторяется, и так от выборов к выборам. Мир не становится идеальным. Но он становится лучше, потому что демократия создает к этому стимулы.

Оппозиционеры приходят к власти не из-за того, что они добрее и честнее тех, кому они идут на смену, а потому, что предшественники уже проштрафились: воровали, или как-то иначе нарушали закон, или принимали неэффективные решения, или даже просто надоели, слишком примелькались. Новым правителям делать те же ошибки рискованно, если они хотят остаться у власти (а они всегда хотят). Конечно, корысть не пропадает, надо все-таки позаботиться и о себе. Но делать это приходится с большой осторожностью, потому что предшественники — а уж они-то знают все входы и выходы — теперь в оппозиции, и молчать не будут.

Тут есть одна проблема. Что, собственно, мешает конкурирующим группам политиков договориться друг с другом и совместно дурачить граждан? На этом вопросе строится целая теория, отрицающая возможность демократии, но вопрос-то, по правде сказать, глупый. Потому что он исходит из того же